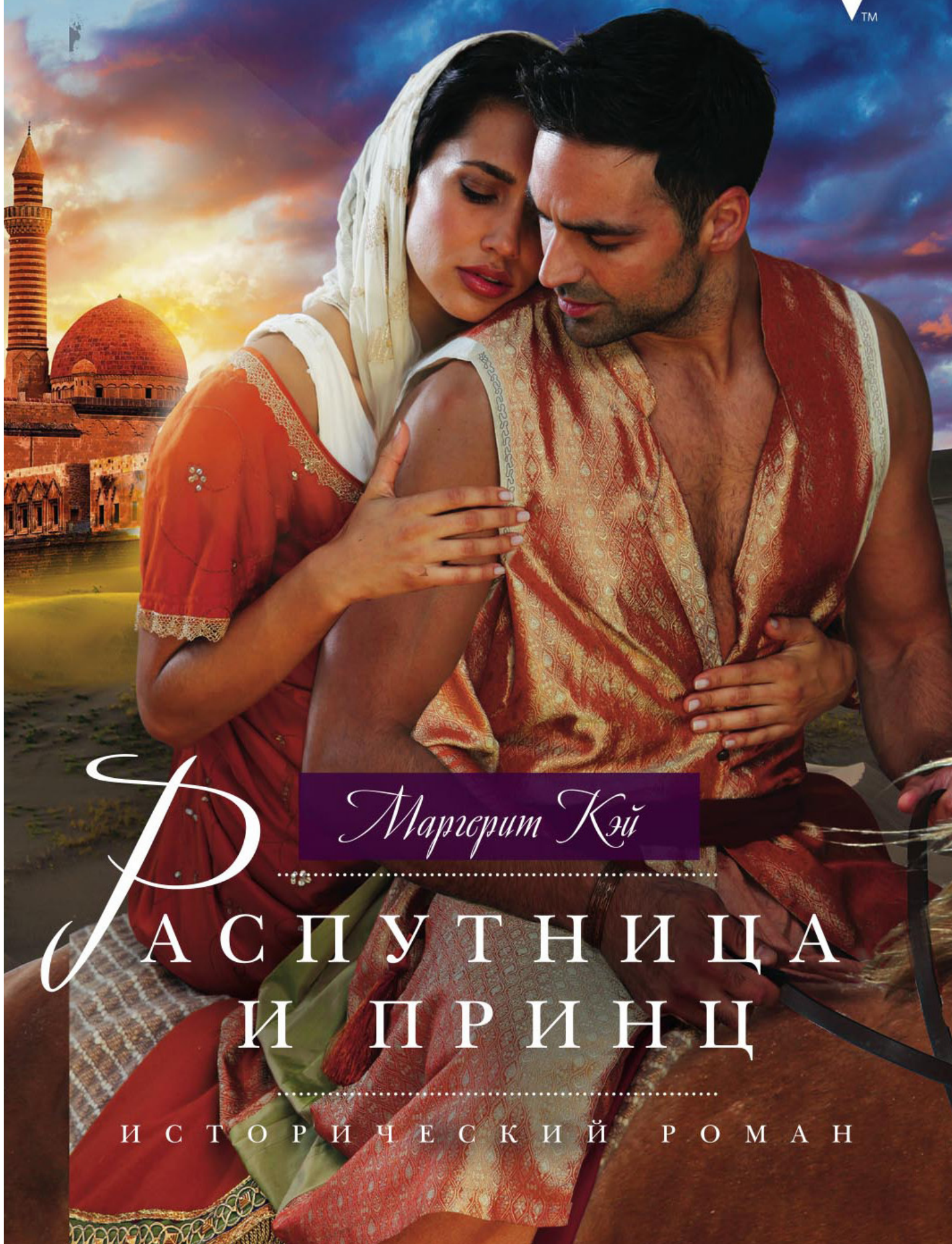

HARLEQUIN®

099

Маргерит Кэй

С
А С П У Т Н И Ц А
И П Р И Н Ц

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Исторический роман – Harlequin

Маргерит Кэй

Распутница и принц

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Кэй М.

Распутница и принц / М. Кэй — «Центрполиграф»,
2017 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08597-9

Главным достоянием аравийского королевства Бхарима считался Сабр — самые известные на Востоке скачки. Однажды король проиграл соревнования и должен был отдать сопернику всех скакунов. Занявший трон молодой правитель Рафик поклялся возродить былую славу, однако племенных жеребцов, находящихся уже в шаге от победы в Сабре, косит неизвестная болезнь. Принц приглашает в страну знаменитого специалиста из Англии. Но Дэрвилл слишком занят и присылает дочь Стефании, свою талантливую ученицу. Для переживающей личную драму Стефании, на родине обесчещенной, работа в Бхариме может открыть путь к независимой жизни. Девушка с увлечением берется за дело. Ее вдохновляет откровенное внимание чувственного красавца-принца, желающего обучить англичанку искусству любви. Стефани неудержимо тянет к нему, а клеймо распутной женщины дает ощущение свободы.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08597-9

© Кэй М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Маргерит Кэй Распутница и принц

Marguerite Kaye
The Harlot and the Sheikh

Copyright © 2017 by Marguerite Kaye

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

*Королевство Бхарим, Аравия
Июнь 1815*

На небе занимался бледный рассвет, когда принц Бхарима Рафик аль-Антаракх устало вышел из своих конюшен после очередного тревожного ночного бдения. Результат был трагически предсказуем – еще один из его драгоценных чистокровных арабских скакунов пал жертвой новой загадочной болезни. Это стало восьмой невосполнимой потерей за последние шесть месяцев, а единственная кобыла, которой удалось выжить после болезни, была истощена до крайности. Неужели это мучение никогда не кончится?

Прислонившись к деревянному частоколу, ограждавшему пустой загон, Рафик на какое-то мгновение ощутил отчаяние. Охватившая его ярость была так сильна, что могла бы поставит на колени даже самых мужественных и заставить плакать самых твердых. Но принц не мог позволить себе выказать слабость. Вместо этого он сжал кулаки, запрокинул голову и обратил гневный вопль к затухающим звездам. Его прекрасные лошади стали невинными жертвами, карой за его преступление. Он это понял. В этот темный час между ночью и утром, когда он чувствовал себя единственным живым человеком посреди пустыни, у него не осталось никаких сомнений. Судьба наслала на него эту чуму, превратив в посмешище слово, которое он публично дал своим людям, и клятву, данную им самому себе.

Он должен найти лекарство. Если природа и дальше продолжит свою разрушительную работу, это уничтожит все, чего он достиг с таким трудом. Они с Ясимом научились распознавать важнейшие симптомы, но даже его знаменитый штальмейстер, чья слава самого лучшего объездчика арабских скакунов считалась неоспоримой на всем Востоке, даже он оказался бессилен.

Когда Рафик унаследовал королевство от отца, конюшни выглядели совсем заброшенными. Легендарные арабские скакуны Бхарима, чью родословную удостоверяли древние свитки и устные предания, давно исчезли, утраченные в один роковой день. В день, который погубил его отца и запятнал честь всей королевской династии аль-Антаракх. В день, который его подданные считали самым черным днем в долгой и славной истории королевства. В день унижения, ставшего фатальным ударом для национальной гордости и достоинства его народа. В день, когда они потеряли Сабр.

Рафику было шестнадцать, когда он стоял среди дымящихся углей – это все, что осталось от знаменитого конезавода Бхарима. Он поклялся, что, придя к власти, возместит потерю. Следующие шесть лет ему пришлось смотреть, как отец медленно, но неумолимо угасает, а вместе с ним тают богатства королевства.

Восемь лет назад, через несколько дней после того, как ему исполнился двадцать один год, он унаследовал трон и королевство, которое, похоже, утратило самый смысл своего существования. Тогда Рафик пообещал сделать Бхарим лучше и богаче, чем прежде, сделать его королевством нового времени, но все его реформы, изменения и новации были встречены равнодушно. Казалось, ничто не имеет значения, кроме возвращения Сабра – этого материального символа чести и гордости Бхарима. Пока не возвращен Сабр, его народ не мог поверить в светлое будущее, которое он хотел ему дать. Пока не возвращен Сабр, бессмысленно говорить о будущем Бхарима.

Пять лет назад Рафик дал клятву вернуть своему народу то, чего люди хотели больше всего. Он не сомневался, что его благородные намерения, помноженные на холодный расчет, позволят сдержать обещание. И только потом, когда стала очевидна его трагическая цена,

решимость Рафика пошатнулась. Продолжать идти вперед и платить такую ужасную цену? Это шло вразрез со всеми его инстинктами.

Серое небо над ним окрасилось в молочно-белый цвет, предвосхищавший восход солнца и новый день. Рафик заставил себя выпрямиться. Он не признает себя побежденным ни сегодня, ни потом. Он принц Бхарима, правитель всего, что видят его глаза, один из самых могущественных людей Аравии. Еще не все потеряно. У него еще есть время выслушать, что скажет английский эксперт, к которому он обратился больше от отчаяния, чем с надеждой. Возможно, Ричард Дэрвилл уже в пути, и королевский ордер на проезд, высланный ему вместе с письмом, поможет ему быстрее добраться до Аравии. Даже Ясим, яростно противившийся постороннему вмешательству в то, что он считал делом своей жизни, неохотно признал, что репутация английского лошадиного доктора безупречна и заслуженна.

Говорили, что Дэрвилл способен творить чудеса, возвращая к жизни почти мертвых лошадей. А сейчас Рафику требовалось именно чудо. Его конюшни с чистокровными скакунами нужно было защитить любой ценой. Он должен сделать это ради своих людей, если хочет остаться принцем, которому они верят. Он должен сделать это ради памяти своего отца и восстановления фамильной чести. Но самое главное, он должен сделать это, чтобы искупить свой грех. Рафик так долго нес бремя своей вины, что не мог допустить, чтобы судьба казнила его и дальше. Он должен расплатиться. Изменить прошлое он не мог, но должен был сделать так, чтобы из этой мрачной главы его жизни родилось нечто светлое. И хотя расплата никогда не будет полной, он сделает все, что в его силах.

Две недели спустя

Долгое путешествие Стефани подходило к концу. На рассвете одномачтовое арабское судно, на котором она переплыла Красное море из Египта, причалило в ближайшем к месту назначения порту. На пристани высокий, сурового вида мужчина тщательно проверил ее бумаги и велел следовать за ним.

В конце причала их ждал небольшой караван верблюдов. Громоздкий багаж Стефани поместили на сопровождавших караван мулов, а ей с поразительной ловкостью помогли сесть на верблюда. Представитель властей взял поводья и с помощью жестов объяснил, что поведет его. Его непроницаемое лицо слегка дрогнуло, только когда Стефани заговорила с ним на его языке, сообщив, что прекрасно его поняла и благодарит за помощь. Однако если она воображала, что знание его языка заставит мужчину вести себя помягче, то она ошибалась. Ответив на ее слова сухим поклоном, он переключил свое внимание на четверых людей, которые их сопровождали. Его короткие, резкие приказания выполнялись четко и мгновенно. Таким образом, после получасового пребывания на земле Стефани снова оказалась на корабле. Только на этот раз на корабле пустыни.

Они проехали шумный порт, наводненный людьми, верблюдами, мулами и козами. Повозки, доверху груженные товарами, боролись за место на мощеной пристани. В воздухе царил какофония ослиных криков, блеяния и ржания, стук копыт и колес по грубым камням мостовой, перекрываемый криками погонщиков, моряков и портовых рабочих и возбужденным верещанием детей, сновавших повсюду, как показалось Стефани, с единственной целью внести свою лепту в этот шум и суету.

Как только они отъехали от берега, морской бриз исчез, уступив место палящему зною. Солнце уже поднялось, и широкая дорога, которая вела их дальше, сузилась, превратившись в каменистую тропу, уходившую прямо в пустыню. Воздух становился все горячее и суше. Несмотря на то что лицо Стефани защищали широкие поля шляпы, она начала чувствовать себя так, словно сидит в огромной печи. Редкие порывы ветра, бросавшие в лицо докрасна раскаленный песок, напоминали дыхание разъяренного льва. Легкий хлопчатобумажный жакет

и блузка стали казаться сделанными из толстых кусков медвежьей шкуры. По спине потекли струйки пота. Белье и чулки неприятно прилипли к влажной коже. Глаза, рот и нос чесались от пыли и песка. Ноги, обутые в высокие сапоги для верховой езды, зудели.

Около полудня, когда солнце достигло зенита, проводник сообщил ей, что они пересекли границу королевства Бхарим. Здесь они сделали последнюю остановку, чтобы отдохнуть и попить воды, как раз в тот момент, когда Стефани подумала, что может умереть от жажды. Она, которая стойко переносила жару в разгар испанского лета, с трудом сдержалась, чтобы не выпить одним глотком все содержимое своего бурдюка с водой. Пришлось напомнить себе, что этот палящий зной, эта пустынная земля не должны казаться ей чужими. Они должны жить в ее крови. Стефани постаралась успокоить свои движения, чтобы пить маленькими расчетливыми глотками, как делали ее сопровождающие. Но даже после жары в Александрии и в Каире она оказалась не готова к этому. Встряхнув свой бурдюк, Стефани обнаружила, что он почти пуст. Когда ее молчаливый, но, очевидно, внимательный проводник протянул ей другой, она слишком обрадовалась, чтобы смутиться.

Путешествие продолжалось, и, когда покачивающаяся походка верблюда сделала свое черное дело с ее головой и желудком, Стефани перестало заботить, что думает о ней проводник. Все, чего ей хотелось, – это чтобы путешествие поскорее закончилось. Но они все шли и шли.

И вот впереди выросли внушительные стены города, уютно расположившегося у подножия горной гряды с плоскими вершинами. Построенные из красного камня, стены были увенчаны широкими резными зубцами с бойницами, имевшими, в отличие от обычных четырехугольных, треугольную форму. Похоже на клыки хищника, с содроганием подумала Стефани.

Вход в город преграждали огромные ворота в форме высокой каменной арки, по обеим сторонам которой, как два неподвижных стража, возвышались мощные башни. Несмотря на то что все другие верблюды и мулы проходили в город через них, караван Стефани продолжил идти дальше, обходя городские стены, пока не добрался до широкой, четко обозначенной дороги, поднимавшейся вверх, где она увидела конечную цель своего пути.

Здание, которое не могло быть ничем иным, кроме королевского дворца, стояло на плоской вершине холма, возвышаясь над городом, и было со всех сторон окружено высоким квадратом стен. Крохотные четырехугольные окна нижнего уровня, располагавшиеся на равных интервалах и, казалось, наблюдавшие за ее приближением, вызвали у Стефани заметное ощущение дискомфорта. Восторг, который не покидал ее с первого момента вовлечения в это рискованное предприятие, сменился ясным пониманием: ее здесь не ждут. За этими темными оконцами притаилось множество глаз, следящих за ее прибытием. Ее присутствие неизбежно вызовет пересуды.

Стыд, не покидавший ее весь прошлый год, исподволь снова завладел ею, и Стефани поймала себя на том, что инстинктивно опустила голову. Она проехала полмира, чтобы оставить его позади. Что бы ни случилось с ней здесь, в далекой Аравии, ее не станут публично называть распутницей. Шлюхой.

Стефани выпрямилась в седле и заставила себя вернуться к реальности. На более высоком уровне стены прорезали большие сводчатые окна. И стены, и бойницы украшала резная полоса из какого-то белоснежного камня. Алебастр? По мере приближения похожие на клыки зубцы перестали производить устрашающее впечатление. Караван вступил на площадь, чья мраморная поверхность была инкрустирована чем-то блестящим, похожим на золото. Стефани побывала во многих местах, но никогда не видела ничего сравнимого с этим дворцом. Пугающе суровый, он вместе с тем был невероятно экзотичен и сказочно красив.

Когда двойные двери распахнулись, от волнения Стефани забыла об усталости и дискомфорте. Принц, который жил за этими стенами, наверняка был богат сверх ее понимания. Ей удалось узнать о нем от тех, кто считал себя сведущим в таких делах, только то, что он продает своих чистокровных лошадей лишь избранным. Обладание арабским скакуном из Бхарима почиталось честью, которую почти невозможно купить за деньги. Стефани подумала, что этому принцу нельзя отказать в уме и хитрости. Мужчины, а особенно богатые и знатные мужчины, всегда хотели то, что, по общему мнению, получить невозможно, будь то лошадь или женщина. Разве она сама не живое тому подтверждение? И подтверждение того, что стоит им получить желаемое, как оно быстро теряет свою привлекательность.

«Хватит!» – строго напомнила себе Стефани. Она больше не станет оглядываться назад. Прошел целый год, вполне достаточно, чтобы примириться со своим стыдом и чувством вины и перестать проклинать несправедливость, приведшую ее к падению. Она дорого заплатила за свой грех и причинила много боли тем двоим, которых любила больше всего на свете. Настало время искупить свою вину и самой распорядиться своей жизнью, чтобы, оставив прошлое позади, сгладить последствия совершенной глупости.

А раз так, принц примет ее предложение. Стефани вздрогнула и напомнила себе, что он ничего не знает о ее несчастье и ему не нужно этого знать. В ее ушах звучали прощальные слова поддержки, укрепляя решимость оправдать ожидания и тем самым хоть немного уменьшить сердечную боль, которую она причинила.

В центральном внутреннем дворе сопровождающий после долгого и, насколько она смогла понять, ожесточенного спора передал Стефани другому устрашающего вида представителю власти. Спор сопровождался бурной жестикуляцией, многозначительными взглядами в ее сторону и суетой сновавших туда-сюда слуг. В конце концов новый сопровождающий отвесил Стефани официальный поклон и повел к двери в дальнем конце двора.

Длинные, узкие коридоры с мраморными полами, выложенными плиткой стенами и высоченными потолками, поддерживаемыми стройными арками, освещались факелами. Возле каждой двери неподвижно стояли стражники. Их черные плащи с короткими рукавами, надетые поверх длинной белой рубахи, не могли скрыть могучего телосложения, голову покрывала красная куфия, платок, который удерживал шнур, сделанный из скрученного черного шарфа. На ремне у каждого с одной стороны висел смертоносный ятаган, с другой – кинжал в ножнах, повторявших его изогнутую форму. Когда сопровождающий проходил мимо них, каждый стражник безмолвно наклонял голову. Шедшая за ним Стефани чувствовала, как их взгляды сверлили ей спину. К тому времени, когда они подошли к огромным дверям, она уже почти не дышала от волнения.

Этот портал охраняли особенно внушительные воины. Сопровождающий доложил о ней тоном, ясно говорившим, что он умывает руки:

– Ваше величество, принц Рафик аль-Ангарах, правитель Бхарима, позвольте представить вам Английскую Женщину.

Небольшой, но вполне ощутимый толчок в спину сдвинул Стефани с места, к которому она, казалось, приросла, заставив войти в великолепную комнату с высоким потолком. Трещина от страха, она обвела взглядом темные мраморные колонны с золотыми прожилками. Золотом блестели и богато расписанные фризы и карнизы. Посверкивала расписная плитка на стенах. Цветное стекло отражало огонь светильников в форме звезд. Пол покрывали дорогие шелковые ковры, тяжелые парчовые драпировки роскошными складками спадали с единственного предмета мебели. Золотого трона. На котором властно восседал принц.

Дверь за ее спиной закрылась с тихим щелчком. Бросив быстрый взгляд через плечо, Стефани обнаружила, что совершенно одна с его королевским величеством. Что делать? Она понятия не имела. Должна ли она подойти ближе? Сделать реверанс? Она сомневалась. А может

быть, он ждет, что она подобострастно упадет ниц. Не в состоянии решиться ни на одно из этих действий, она продолжала стоять на месте, когда принц вдруг встал с трона. Стефани застыла от страха.

Он оказался очень высок ростом. И в высшей степени неприветлив. И еще поразительно красив. Стефани в жизни не видела более красивого мужчины. Она смотрела на него, вытаращив глаза и открыв рот. С ее стороны это было крайне бестактно и дерзко, но она просто не могла оторвать от него глаз.

Принц Рафик с головы до ног был одет во все белое с золотом. Белая шелковая туника с высоким воротом и узкими рукавами облегла мускулистое тело, длинные ноги, широкие плечи и мощную грудь. Стройность бедер подчеркивал тяжелый пояс, украшенный драгоценными камнями. Такими же были и ножны его ятагана. Тонкая накидка поверх туники казалась сотканной из серебра и расшитой крошечными бриллиантами. Его куфию из того же материала удерживал золотой шнур.

Но все внимание Стефани было обращено к обрамленному этим головным убором лицу принца. В свое время ей случалось видеть красивых мужчин, но этот мог бы служить образцом совершенства. Кожа цвета песка в тени. Высокие скулы, почти орлиный нос и губы, которым удавалось быть одновременно и очень чувственными, и не знающими пощады. Из-под сильно изогнутых дуг бровей смотрели глаза такого темно-карего цвета, что казались почти черными. Стефани не видела его волос, но могла поспорить, что они черные, как ночь. Падший ангел, погрязший в грехе. Она понятия не имела, откуда явилось это странное знание, но слово «грешный» идеально описывало этого человека.

И так же хорошо описывало ее мысли. О господи! Ей, как никому другому, следовало бояться подобного опасного знания. И вовсе не красота принца Рафика должна была занимать ее мысли. Несмотря на его тяжелые веки, взгляд, казавшийся просто слегка задумчивым, и почти утомленное выражение лица, Стефани не могла обмануться. Перед ней стоял человек, настолько привыкший к власти, что он не нуждался в том, чтобы ее демонстрировать. Принц Рафик мог быть одет в лохмотья, но его статус все равно не вызвал бы у нее сомнений. Это было в его глазах. Не высокомерие, а убежденность в своем предназначении, уверенность в том, что он хозяин всего, на что упадет его взгляд. Это читалось в его осанке, в царственных линиях всей его фигуры. С запозданием собравшись с силами, чтобы пошевелиться, Стефани присела в глубоком реверансе.

– Встаньте.

Она сделала, как он велел, остро сознавая свой неприглядный вид: запылившуюся одежду и лицо, которое казалось буквально испещренным песком. Его глаза, полуприкрытые веками, скользнули по ее фигуре с бесстрастным, непроницаемым выражением.

– Кто вы и зачем вы здесь? – спросил принц Рафик. Он говорил по-английски с легким акцентом.

Несмотря на волнение, вызванное впечатлением, которое произвел на нее принц, Стефани прекрасно понимала, что тоже должна впечатлить его. Сжав за спиной кулаки, она заставила себя посмотреть ему в глаза и ответила на его языке:

– Ваше величество, я здесь по вашему приглашению.

– Я не посылал вам приглашения, мадам.

– На самом деле это не совсем так. Возможно, это поможет прояснить ситуацию, – ответила Стефани, протянув ему свои бумаги.

Принц бегло просмотрел документ.

– Это королевский ордер, который я отправил знаменитому ветеринару Ричарду Дэрвиллу, приписанному к седьмому гусарскому полку. Как он оказался у вас?

Стефани еще плотнее сплела пальцы, как будто это могло унять дрожь в ногах.

– Я Стефани Дэрвилл, его дочь и ассистент. Моего отца очень взволновало сообщение о болезни, поразившей ваших лошадей, но он при всем желании не смог бы оставить полк, пока Наполеон на свободе и наша армия в любой момент может пойти в бой. – Что было чистой правдой, хотя и далеко не всей.

– И он счел уместным отправить вместо себя свою дочь? – Голос принца звучал скептически.

– Мой отец научил меня разбираться в физиологии лошадей и в том, как лечить их болезни, – ответила Стефани более уверенно. – Я с самого раннего возраста работала с ним бок о бок. Кроме того, в прошлом году я работала в одном из самых крупных английских конезаводов, который находится в Ньюмаркете. Так что у меня имеется достаточный опыт. Хотя я, конечно, не могу сказать, что обладаю таким колоссальным опытом, как мой отец.

– У Ричарда Дэрвилла репутация самого лучшего в мире специалиста по лошадям. Его слава так велика, что достигла Аравии.

– И это заслуженная слава, ваше величество, – с гордостью произнесла Стефани. – На самом деле можно без преувеличения сказать, что мой отец в своем роде провидец. Он много лет без устали боролся, чтобы вывести ветеринарную практику из тьмы средневековья, заставить армейских коновалов отказаться от неоправданно жестоких и по большей части неэффективных способов лечения. Внедрить новые идеи, новые методы, основанные на принципах хирургии, разработанных великим Джоном Хантером. Мой отец...

– Мне известны достижения вашего отца, мисс Дэрвилл, – перебил ее принц. – По этой причине я и обратился за помощью к нему. Но не к его дочери. – Он снова окинул ее своим холодным взглядом, от которого ей стало слегка не по себе. Хотя и не так, как от следующих его слов. – Не говоря уже о том, что вы женщина.

– Что характерно для всех дочерей. – Стефани стиснула зубы. Она не первый раз сталкивалась с таким предубеждением. – Но, как я заметила, это не слишком заботит моих пациентов.

– Возможно, но мне трудно поверить, что их хозяева готовы с такой же легкостью закрыть на это глаза.

– Вот одна из причин, почему я предпочитаю людям животных, – выпалила Стефани. У нее вдруг страшно разболелась голова. Она сняла шляпу и запустила руки в мокрые от пота волосы. Не стоило настраивать принца против себя. Она с опозданием, но все же вспомнила про письмо, которое дал ей отец. – Возможно, это сможет вас убедить.

Принц сломал печать и прочитал письмо, написанное и подписанное четким папиным почерком.

– Весьма впечатляющее свидетельство. Надеюсь, что на его объективность не повлияли теплые отцовские чувства.

Его должно было взбесить безрассудство этой маленькой женщины, посмевавшей так разговаривать с ним. Но Рафика заинтриговало, как она с явным вызовом смотрела на него своими большими карими глазами, видимо не сознавая, что нарушила все мыслимые правила приличия, придворного этикета и любых протоколов.

Она оказалась не так молода, как виделось с первого взгляда, – лет двадцати пяти – двадцати шести. Ее волосы выгорели на солнце, но он догадывался, что от природы они темнее, поскольку ее ресницы и брови были темно-каштановыми. Ее кожа была не того оттенка, что называют «английской розой», скорее оливковая, тронутая загаром, но не обгоревшая. Он не сказал бы, что она красива. Щеки слишком круглы, глаза слишком дерзки, подбородок слишком тверд. В ней чувствовалось гораздо больше характера, чем надо, чтобы называться хорошенькой. И все же в ней было что-то очень привлекательное, какая-то притягательность, которую он не мог определить. Несмотря на все признаки долгого путешествия, несмотря на то, что в ее внешности и поведении отсутствовали любые намеки на кокетство, можно было подумать,

будто она только что встала с постели, где всю ночь с большим удовольствием предавалась бурным любовным утехам.

Рафик сомневался, что когда-либо смог бы сделать то, что она предлагала, – забыть, что она женщина. Глядя на эти розовые губы, нежные и полные, как шелковые подушки, он мог думать лишь о том, чтобы целовать их. О том, чтобы скинуть одежду с этого женственного тела и увидеть, действительно ли у ее сосков такой же розовый оттенок. Правда ли ее талия, стянутая ремнем, предназначенным скорее для того, чтобы носить на нем оружие, такая тонкая, как ему кажется? Докуда доходят ее сапоги для верховой езды: до икр, до колен или до нежной плоти ее бедер?

Забыть, что она женщина! Нет, он не смог бы этого сделать. Но ему пришлось напомнить себе еще один очевидный факт. Рафик не мог не признать, что в одном они согласны. Ему необходим тот, кто сможет спасти его лошадей.

– Мой скепсис в отношении ваших возможностей вполне понятен, мисс Дэрвилл. Уверен, даже вы согласитесь, что случай женщины – практикующего ветеринара чрезвычайно редок, если не сказать уникален.

– Зачем бы я стала обманывать вас насчет своего умения и опыта, если бы не обладала ими? – с вызовом спросила она. – Это ведь так легко проверить. Уверяю вас, у меня нет желания оказаться в вашей темнице или быть выброшенной в пустыню за мошенничество.

Говоря эти слова, она расправила плечи и посмотрела ему прямо в глаза, по крайней мере, насколько смогла, учитывая, что Рафик был на голову выше ее. Ее смелость вызывала у него восхищение, хотя недостаток почтения начинал раздражать.

– Вы забыли упомянуть, что вас могут препроводить в мой гарем, мисс Дэрвилл, где вы в роскошной обстановке будете ждать моего приглашения.

Рафик всего лишь хотел поставить ее на место. Но ее реакция на это замечание совершенно ошеломила его. Глаза мисс Дэрвилл вспыхнули гневом. Руки сжались в кулаки.

– Я не такого сорта женщина, – процедила она сквозь зубы.

Эти слова лишь подогрели его любопытство. Какого сорта женщиной она себя считает? Вызов во взгляде, оборонительная поза – все говорило, что она привыкла отстаивать свое достоинство. Но зачем вообще обрекать себя на такие сложности? И как такой привлекательной женщине, которую, судя по всему, постоянно окружают высшие британские офицеры, удалось остаться незамужней? Манкая – вот слово, которое он никак не мог найти для нее. Стефани Дэрвилл была манкой, но либо не осознавала, либо относилась к этому факту совершенно равнодушно.

Хотя для него подобное не имело никакого значения. Значение имела не ее внешность, а ее пол. Если она каким-то чудом действительно способный ветеринар, как утверждал в письме ее отец, ей пришлось бы работать в его конюшнях, с его людьми. Само ее присутствие рассматривалось бы почти как святотатство. А что касается одного из этих мужчин... Впрочем, не стоит забегать вперед.

– Хотя я ценю добрые намерения вашего отца, вы должны понять, что ваш приезд сюда вместо него – палка о двух концах. Поймите, то, что вы женщина, делает ваше назначение главным королевским ветеринаром весьма проблематичным. Прошу меня извинить, мисс Дэрвилл, мне надо подумать.

Рафик отошел к окнам, расположенным в дальнем конце королевской приемной, и уставился на зеркальный фонтан во дворе. Как справедливо заметила храбрая мисс Дэрвилл, ситуация была чудовищной. Мор будет косить лошадей снова и снова, пока не доберется до самого ценного и не выкосит лучших скакунов, на которых он и его люди возлагали все свои надежды. Этот год должен был стать их годом. Годом, когда они вернут себе Сабр.

Да, ситуация ужасная, но все же стоит ли рисковать, назначая своим ветеринаром женщину? Рафик отвернулся от окна, чтобы внимательно посмотреть на нее. Она стояла скрестив

руки, и ее лицо выражало смесь мольбы и вызова. Уже многие недели и месяцы он боролся с собой, стараясь не поддаваться отчаянию. Могла ли эта женщина стать его спасением? Даже если у нее хватит духу и мужества, чтобы работать в конюшне среди одних мужчин, ее уверения в своем опыте могут оказаться преувеличенными.

Рафику хотелось ей верить, но он не мог допустить, чтобы надежды взяли верх над осмотрительностью, а ее обескураживающая привлекательность повлияла на его мнение.

– Вы свободно говорите на нашем языке, – сказал он, снова подойдя к ней. – Как англичанке удалось этого добиться?

– Моя мать египтянка, ваше величество.

Это объясняет цвет ее кожи, подумал он, стараясь не показать своего удивления.

– Ваше владение арабским определенно стало бы преимуществом, если бы я вас назначил.

– Однако едва ли это может играть решающую роль. – В ее словах слышался едва уловимый намек на иронию.

– Решающую роль, мисс Дэрвилл, – холодно произнес Рафик, – играет то, можете ли вы обещать, что спасете моих лошадей.

– Нет, не могу, ваше величество. – Ее лицо напряглось. – Если такое обещание является непременным условием назначения, то вопреки моему желанию мне придется уехать. Мой отец учил меня никогда не давать таких гарантий. Даже в самых рутинных случаях невозможно сбросить со счетов капризы природы. По тем признакам, которые вы описали в письме к моему отцу, речь идет о совершенно новом заболевании. Вам очень не повезло.

– Мое невезение – целиком и полностью дело моих рук, мисс Дэрвилл. – Проявив откровенность, Рафик, уже достаточно хорошо узнавший ее, догадывался, что она станет допытываться до сути дела, не подозревая или не обращая внимания на то, какая это дерзость с ее стороны. – Важно не то, как этот недуг появился в Бхариме, а то, сможете ли вы положить ему конец.

Большинство людей тут же бросились бы поддакивать ему. Ни один мужчина не посмел бы ответить иначе. Стефани Дэрвилл долго молчала, прикусив губу, а когда заговорила снова, то постаралась осторожно подбирать слова.

– Я могу обещать, что сделаю все возможное для спасения ваших лошадей, но я не могу дать гарантий, что смогу спасти их. Возможно, это не самый мудрый ответ на ваш вопрос, – поморщившись, добавила она, – но он самый честный из всех, что я могу вам дать.

Она не могла бы дать ему лучшего ответа. Рафик позволил себе улыбнуться.

– Ваша искренность звучит ободряюще и, как ни странно, внушает уверенность. Я окружен людьми, которые говорят мне то, что я – по их мнению – хочу услышать, а не то, что мне нужно знать.

– Значит ли это, что вы позволите мне осмотреть ваших лошадей?

– Сейчас никто из моих племенных лошадей не болеет. Но недуг дает о себе знать внезапно и резко. Две недели назад мы потеряли четырехлетнюю кобылу Инас. С тех пор вспышек не было, но так происходит каждый раз. У меня нет сомнений, что через какое-то время все повторится. Завтра я познакомлю вас со своим шталмейстером. – Рафик умолк, погрузившись в свои мысли. Если бы только ему удалось найти удобный способ, чтобы на время удалить Ясима из конюшен...

Опять он забегает вперед. Проблема с Ясимом возникнет, только если он решит взять эту загадочную мисс Дэрвилл.

– Мы еще поговорим об этом позже, когда вы присоединитесь ко мне за обедом. Вы проделали долгий и трудный путь и наверняка хотите сначала принять ванну и привести себя в порядок.

– Присоединиться к вам? Но у меня нет подходящего наряда. Я думала... то есть я не ожидала... – Приглашение, очевидно, озадачило ее.

– Все мои ожидания растаяли в воздухе в тот момент, когда вы вошли в королевскую приемную, мисс Дэрвилл, – печально произнес Рафик, взяв ее руку. – Ваш приезд в Бхарим стал, мягко говоря, неожиданным. Но я очень надеюсь, что он окажется небесполезным. – Густая прядь волос, упав на лоб, частично закрыла ей один глаз, но почему-то это лишь добавило ей очарования. Он крепче сжал ее ладонь. – Добро пожаловать в Бхарим, мисс Дэрвилл.

Поднеся ее руку к губам, Рафик собирался слегка коснуться губами ее пальцев, но, как только он это сделал, его вдруг пронзил острый всплеск желания, превратив жест из вежливой формальности в прелюдию к чему-то большему, чего ему не следовало допускать. Она слегка вздрогнула, и он заметил в ее глазах ответную вспышку. Однако мисс Дэрвилл так поспешно убрала руку, что Рафик засомневался, не показалось ли ему.

– Я распоряжусь, чтобы вас проводили в гарем, – сказал он. – Не поймите меня превратно, – не удержавшись, добавил он, – мой гарем – всего лишь место во дворце, где живет женская прислуга. Мне жаль вас разочаровывать, но там нет ни одной наложницы. Если не считать служанок, вы будете его единственной обительницей.

Глава 2

Пройдя за очередным слугой по другим сумрачным коридорам, Стефани оказалась перед дверью, которую охранял настоящий великан. Решетка слегка приоткрылась, а затем дверь распахнулась внутрь. Слуга поклонился и жестом предложил ей войти туда, где стояла хорошо одетая пожилая женщина, очевидно ожидавшая ее прихода.

– Мне правильно сказали, что вы говорите на нашем языке, мадам? – спросила она, приветствуя Стефани вежливым кивком. – Меня зовут Аида, я хозяйка гарема. Не будете ли вы так любезны следовать за мной.

Аида отвела ее на огромную крытую террасу, центральная часть крыши которой открывала сумеречное небо пустыни. Пол устилала прохладная мозаичная плитка. Журчал фонтан. Перед Стефани распахнули дверь в дальнем углу.

– Ваши покои, мадам. Надеюсь, вам здесь понравится.

– О мой бог! – Стефани с удивлением уставилась на просторную комнату. Похоже, где-то между плаванием на одномачтовом доу и долгим путешествием по раскаленной пустыне она выпала из реальности и оказалась в сказке.

– Это ваша гостиная. Столовая находится с другой стороны террасы, – сообщила ей Аида. – Я взяла на себя смелость подать вам холодное питье. И смею заметить, что для вас готова ванна.

– Благодарю вас. – Стефани взяла высокий запотевший стакан. Напиток, оказавшийся терпким и одновременно сладким, источал нежный аромат розовой воды.

В комнате доминировала высокая кровать, отдававшая должное богатству хозяина. Стефани в жизни не видела ничего более роскошного. Она провела рукой по складкам полупрозрачных занавесей, погладила шелковые покрывала, взяв нежную бархатную подушку, прижалась к ней щекой. Кисточки щекотали подбородок.

Она стояла в королевском гареме. В королевском дворце. Принадлежащем принцу, который оказался самым красивым мужчиной из всех, кого она когда-либо видела. Однако в его гареме странным образом отсутствовали жены и наложницы. Может быть, она ослышалась или неправильно его поняла? Принцу Рафику было лет тридцать, самое большее тридцать один, и, безусловно, предполагалось, что он должен жениться, чтобы завести наследника. В этом вопросе королевские семьи, будь то арабские или британские, не слишком отличались друг от друга.

Налив себе еще стакан напитка, Стефани присела на край дивана. Холостое положение принца Рафика ее совершенно не касалось. Как и тот факт, что, когда он целовал ей руку, она ощутила приятный трепет и на краткий миг почувствовала, что он тоже ощутил его. Конечно, нелепо было бы воображать, что она могла показаться привлекательной такому красивому мужчине, как принц. Но даже если так, она не собиралась совершать такой глупости, как отвечать ему взаимностью. Стефани поклялась извлечь урок из своей ошибки. Сейчас ей предоставлялась прекрасная возможность доказать, что она это сделала!

Стефани заставила себя встряхнуться. Пожалуй, эта комната могла бы подойти даже принцессе, но она здесь не для того, чтобы мечтать о шелковых нарядах и изысканных яствах. Она здесь, чтобы победить страшную болезнь, поразившую чистокровных арабских скакунов принца Рафика. Странно, но он сказал, что сам виноват в несчастье. Почему он считал, что это его рук дело? Принц не производил впечатления суеверного человека. Он не стал звать на помощь какого-нибудь знахаря, а обратился к ученому.

Внутренний трепет, не покидавший ее с той самой минуты, как она сюда приехала, снова отчетливо дал о себе знать. Ей так отчаянно хотелось преуспеть! От этого так много зависело. Она больше не будет пропащей. Она найдет способ обеспечить себя, а если успешно справится

с загадочной болезнью, ее престиж перевесит скандал, который, даже несмотря на целый год усердных попыток прятаться от людей, следовал за ней по пятам, как назойливый запах. Стефани напомнила себе, что папа никогда не стал бы советовать ей ехать сюда, если бы не был уверен, что она справится. Он наверняка не хотел бы, чтобы ее и без того пошатнувшейся уверенности в своих силах был нанесен новый удар. Значит, она должна идти вперед. И начать стоило с того, чтобы не опоздать на обед с принцем.

Открыв сундук с одеждой, который поместили под диван, Стефани застонала. Там не было абсолютно ничего, в чем она могла бы показаться. Предполагая, что ей придется жить при конюшне и проводить время с лошадьми, Стефани взяла с собой только то, что необходимо для исполнения роли лошадиного доктора, – книги, записи и инструменты. Ее смятение усилилось, когда она отвернулась от своего жалкого гардероба к высокому зеркалу, стоявшему возле большого шкафа. Нет, ей определенно померещился проблеск желания в глазах принца, когда он целовал ей руку. Этот человек был воплощением соблазна и греха, тогда как она выглядела так, словно сначала вывалилась в масле, а потом в песке. Ее волосам удавалось казаться липкими и растрепанными одновременно, а лицо... теперь она понимала, почему путники в пустыне используют куфию, чтобы защититься от солнца. У нее оставалось меньше часа на то, чтобы привести себя в порядок, поэтому, сбросив одежду, Стефани надела халат и устремилась в ванную комнату. Ванная была целиком отделана прохладным кремово-белым мрамором. Там имелся фонтанчик для омовений и длинный стол, предположительно для массажа, а кроме того, огромная ванна, наполненная теплой водой с лепестками цветов. Ей, конечно, очень хотелось понежиться в душистой воде, но времени оставалось лишь на то, чтобы быстро и тщательно помыться. Выйдя из ванной освеженной, Стефани убрала в пучок влажные волосы и снова столкнулась с проблемой, что надеть. Помимо запасного костюма для верховой езды и прилагавшихся к нему блузок она взяла с собой только белье, ночные рубашки и одно дневное платье. Платье было сшито из простого белого хлопка с короткими рукавами-фонариками, по линии талии проходила атласная лента. Посередине сверху донизу шла широкая вышитая полоса, служившая единственным украшением платья. Стоя в нижней сорочке, корсете и чулках, Стефани подняла платье, чтобы показать его Аиде.

– Боюсь, у меня больше ничего нет. Как вы думаете, это сгодится?

– Жаль, что я не знала о вашем приезде, иначе я была бы рада возможности снова одевать красивую даму. – Хозяйка гарема смотрела на нее с сомнением.

– О, я не дама, я дочь армейского офицера и занимаюсь лошадьми.

Стефани снова приложила к себе платье. Оно было легким, удобным и самым любимым. Проблема в том, что это слишком явно отразилось на ткани, которая, износившись, стала почти прозрачной. Возможно, она могла бы попросить Аиду сшить ей новое платье. Ничего экстравагантного, но...

– Вы сказали, что были бы рады возможности снова одевать красивую даму! – воскликнула она, повернувшись лицом к Аиде. – Что вы имели в виду? Вы говорили о... о наложницах?

Аида сильно покраснела, словно почувствовала себя еще более шокированной, чем Стефани.

– Конечно нет. В этом дворце не было таких женщин со времен принца Бассама, дедушки нашего досточтимого благородного принца. Нет, я имела в виду... – Она замолчала и, обернувшись, посмотрела сначала через одно плечо, потом через другое, прежде чем заговорить таинственным шепотом. – Я имею в виду жену принца Рафика, принцессу Эльмиру.

Так, значит, он женат. Тогда почему он намекнул, что не женат, говоря о пустом гареме? И где его жена, если она больше не живет в гареме?

– Но принцессы Эльмиры больше нет среди нас.

– Больше... о! Простите, вы хотите сказать, она умерла?

– Два года назад принцесса Эльмира трагически умерла во сне, – приглушенным голосом ответила Аида. – Такой смертельный удар для принца и всего нашего народа... Нам хочется снова увидеть королевский дом аль-Антарак процветающим. – Хозяйка гарема печально покачала головой. – Но пока мы не вернем себе Сабр, никто из нас не может быть по-настоящему счастлив. Это касается принца Рафика и всего Бхарима.

– Сабр?

– Сабр, – благоговейно повторила Аида. – Вы сказали, что занимаетесь лошадьми. Это объясняет ваше присутствие здесь, мадам. Принц вызвал вас сюда, чтобы мы не потеряли наши шансы, да? – Она понизила голос до шепота. – Конюхи поклялись хранить все в тайне, но до меня дошли слухи о болезни.

Принц Рафик специально не запрещал Стефани говорить о том, какие дела привели ее сюда. Впрочем, она ведь еще не получила от него назначения. Но почему из этой болезни делается государственная тайна? Как бы сильно ей ни хотелось получить ответ на свой вопрос, она предпочла сменить тему.

– А теперь скажите мне честно, Аида, – сказала она, снова приподняв платье, – вы считаете, что оно совсем не годится для обеда с принцем Рафиком?

– По правде сказать, оно далеко от идеала. К несчастью, мадам, с самим платьем ничего нельзя сделать. Но если вы немного подождете, я смогу вам кое-что предложить.

Аида исчезла. Стефани надела платье и завязала ленту на талии. Простота и легкость в надевании платья были еще одной причиной того, что она так много его носила. Надев туфельки, Стефани недовольно смотрела на свое отражение, когда в комнату вернулась Аида с длинным отрезом ткани в руках.

– Вы позволите? – Это был кусок тончайшего крепдешина, с рисунком в виде россыпи золотых звезд. Аида сложила его пополам и приколотла к волосам Стефани на затылке большим гребнем и шпильками, откуда ткань прозрачными фалдами спадала ей на спину, напоминая роскошные мантильи, которые носили знойные испанские дамы. Только эта мантилья была гораздо длиннее. Взяв оба конца ткани, Аида задрапировала их на плечах Стефани, что придало платью лоска и прикрыло ее обнаженные руки, которые выглядели бы более достойно в вечерних перчатках, если бы они у нее были.

– Как красиво. Теперь мое платье выглядит совсем иначе. – Стефани радостно покружилась перед зеркалом. – Какая вы умница.

Аида скромно улыбнулась. Звук колокольчика, донесшийся с террасы, заставил обеих вздрогнуть.

Последний взгляд в зеркало придал Стефани уверенности. Она едва узнала себя. Глаза сверкали от предвкушения. Какая-то новая Стефани. Настало время забыть прошлое и открыться навстречу будущему.

Столовая, куда отвели Стефани, оказалась даже больше, чем она ожидала. Все стены этого идеально квадратного помещения в точности повторяли друг друга: три высоких окна, увенчанные тремя сводчатыми арками, над которыми возвышался карниз, опирающийся на две мраморные колонны. Стены нежного лимонного цвета контрастировали с геометрическим узором из плиток оттенков охры, терракоты, янтаря, рыжего и красного дерева, покрывавших пол. Тот же узор повторялся на потолке. Повсюду горели свечи. Свет лился из огромной люстры, висевшей над центром стола на длинной цепи, и сотен свечей, горевших на отдельно стоящих в каждом углу канделябрах, и бра, украшавших стены.

Большую часть пространства комнаты занимал низкий круглый стол с золочеными гнутыми ножками. По мнению Стефани, за ним могли разместиться по меньшей мере тридцать человек, хотя сервировка золотыми тарелками и хрустальными бокалами предполагала обед на двоих. Возле каждой из четырех дверей стояли по двое слуг. Слуга, сопровождавший ее

из гарема, указал Стефани на подушки, но, когда она попыталась сесть, отрицательно покачал головой. От волнения Стефани дрожала с головы до ног. Ей страшно хотелось есть, но она сомневалась, что сможет хоть что-нибудь проглотить. Господи, ей предстояло обедать с принцем!

Двери – но не те, в которые входила она, – распахнулись. Вошел его величество, принц Бхарима Рафик аль-Антарак.

Слуги не кланялись, а стояли неподвижно, как вкопанные. Стефани неуверенно присела в реверансе.

– Ваше величество.

– Мисс Дэрвилл. Не нужно приседать каждый раз, как вы меня видите.

Он переоделся. Поверх традиционной рубахи, застегнутой до самого верха, принц Рафик был облачен в шелковую накидку цвета индиго с золотой каймой по подолу. Зачесанные назад волосы лежали влажными волнами, открывая высокий лоб. Подбородок был свежесбрит. По телу Стефани вновь пробежала очевидная дрожь желания. Она решительно проигнорировала это.

– Пожалуйста, садитесь.

Принц взял ее за руку, чтобы помочь устроиться на груди подушек. От прикосновения его прохладной руки собственная рука показалась ей неприлично горячей. Она без особого изящества плюхнулась на подушки, словно у нее подломились колени.

– Очень красивая комната, – глупо заметила Стефани, стараясь не смотреть на хозяина.

– Это моя личная столовая, – ответил принц Рафик и, скрестив ноги, сел на более высокую грудь подушек справа от нее. – Я подумал, что вам будет удобнее в менее парадной обстановке.

– В менее парадной обстановке? – Он что, шутит?

– Королевский банкетный зал свободно вмещает до трехсот гостей, а на кухне может одновременно жариться пятьдесят баранов. Я подумал, вы предпочтете более скромное помещение и менее парадное меню. Вы можете приступать.

Вовремя осознав, что последняя фраза адресована слугам, словно по волшебству появившимся во главе стола, Стефани с удивлением увидела, как распахнулась еще одна из четырех дверей и в столовую потянулась целая кавалькада слуг, каждый из которых нес золотое блюдо с крышкой. Ей показалось, что этой еды хватило бы, чтобы накормить целую армию. Каждый слуга снимал с блюда крышку и, взмахнув ею, ставил блюдо на стол. Горячее подавалось в глубоких мисках, и крышка снималась перед принцем, чтобы получить его одобрение. Знакомый аппетитный запах жареного мяса смешивался с другими, менее знакомыми, но не менее соблазнительными.

Стефани попыталась вспомнить, что рассказывала ей мать о связанных с едой обычаях Египта, но в голову ничего не приходило. Должна ли она сама накладывать себе еду? Ответ на этот вопрос пришел сам собой, когда на стол поставили последнее блюдо. Двери закрылись, и к ним подошли еще двое слуг, каждый из которых нес золотой лоток. Дождавшись соизволения принца – Стефани взяла на заметку, что соизволение принца, похоже, требовалось абсолютно на все, – слуги опустили на колени. Ритуал предварительного омовения рук, догадалась она, смутно припомнив рассказы матери. Однако выполнить его самостоятельно слуга ей не позволил. Он погрузил ее пальцы в душистую воду, потер ей руки лимоном, а потом высушил. Полотенце, которое для этого использовалось, было приятно подогрето.

Пока слуга повторял эту процедуру со второй рукой Стефани, она с некоторым смущением позволила себе перевести взгляд на человека, сидевшего рядом с ней. У принца Рафика были очень длинные ноги. Кроме того, он оказался очень гибким для такого рослого мужчины. И очень атлетичным для принца. Должно быть, сказывались постоянные занятия с лошадьми. В армии, когда не велись военные действия, кавалерийские полки проводили бесконечные часы,

тренируя своих лошадей, приучая их преодолевать препятствия. В солнечные дни мужчины часто скакали без рубашек. Верховая езда сильно развивала мускулатуру плеч. Тонкий шелк и хлопок, которые носил принц Рафик, красиво обрисовывали его мышцы.

– Судя по выражению вашего лица, вы очень голодны, мисс Дэрвилл.

Боже, что с ней происходит! Щеки Стефани вспыхнули.

– Все это очень вкусно пахнет, хотя многие из этих блюд кажутся мне незнакомыми.

– Я вам объясню. Будем говорить на английском, – сказал он, переходя на ее язык. – Так мы сможем беседовать свободно и в то же время приватно. Как вы видите, еда на столе сгруппирована по цвету. Зеленый для процветания. Желтый для счастья. Начнем с них. Затем последуют мясо и салаты. А под конец останутся сладости, финики и мед, символизирующие жизнь.

– О, я этого не знала. – Стефани с большим облегчением увидела, что один из слуг начал деликатно наполнять ее тарелку. – Спасибо, – сказала она и с облегчением выдохнула, когда он в ответ поблагодарил ее жестом; значит, сделав это, она не нарушила протокол. Тем более что, к ее удивлению, принц тоже поблагодарил своего слугу, назвав его по имени. Дворцовая прислуга наверняка насчитывала несколько сотен человек, и такая памятьливость впечатляла.

– Прошу вас, начинайте, – сказал он. – Я велел им подать для вас столовые приборы. Нас часто посещают европейцы, и многим из них кажется неприятным наш обычай есть руками.

– Спасибо, но я с радостью буду есть, как вы, – ответила Стефани. Отломив кусок хлебной лепешки, она приготовилась положить на него немного салата из помидоров, отчаянно надеясь, что не будет выглядеть глупо.

– Значит, ваша мать сохранила обычаи своей родины в английском доме вашего отца? – спросил принц Рафик.

– Некоторые из них. Хотя, по правде сказать, папа предпочитает более простой стол. Я подозреваю, что такое разнообразие блюд поразило бы ее не меньше, чем меня.

– Поверьте мне, это весьма скромная трапеза по сравнению с парадными государственными банкетными, которые мне приходится давать. Я приверженец простых вкусов. Осторожно, – добавил он, когда Стефани положила на хлеб то, что показалось ей еще одной разновидностью салата, – эти блюда содержат перец чили, они очень острые. Если вы к ним не привыкли, то можете обжечь рот. Позвольте, я расскажу о некоторых блюдах на вашей тарелке. Это нежное пюре, украшенное йогуртом, делается из печеных баклажанов. Этот салат – из томатов, мяты и огурца, а тот, что рядом с ним, делается из распаренных зерен булгура. Вот кушанье из нута. А что ваша мать думает о вашей поездке в Аравию?

Он мягко сменил тему, но Стефани поняла, что не обманулась. Это был не столько приватный обед, сколько разведка. Ее – что неудивительно – проверяли.

– Поскольку мой отец объяснил ей, какие преимущества дает эта поездка, – осторожно ответила она, – мама отнеслась к ней очень хорошо. Вдобавок ее успокаивало то, что ее родственники живут недалеко от Александрии, хотя от Египта до Бхарима несколько недель пути.

Стефани проглотила горсточку пшеничного салата, который положила себе на хлеб, и рассеянно сунула в рот пальцы, чтобы слизнуть с них томатный соус. Он был очень вкусным, но она вдруг заметила, что принц как-то странно на нее смотрит.

– Прошу прощения, – виновато сказала она. – Я только сейчас вспомнила, что моя мать говорила мне, что считается невежливым делать это, пока еда не закончена.

Он не сводил глаз с ее рта. Может быть, она уронила каплю соуса на подбородок? Стефани не могла удержаться, чтобы не проверить. Лучше бы он не смотрел на нее так, как будто... как будто хотел сам облизнуть ее пальцы. О боже, откуда только взялась эта нелепая мысль!

– Если кто-то облизнет пальцы до окончания трапезы, этим он показывает, что больше не хочет есть, – объяснил ей принц. – И намекает на плохое качество угощения.

– Уверяю вас, я ничего такого не имела в виду, – горячо возразила Стефани. – Напротив, еда очень вкусная. Просто я не привыкла есть руками...

– Прошу вас, – перебил ее принц, слегка покачав головой, – не стоит обращать внимания... уверяю вас, вы никого не обидели. – Видимо почувствовав внезапный приступ жажды, он сделал большой глоток из своего бокала. – Мне хотелось бы узнать о преимуществах – кажется, вы так это назвали, – которые даст вам назначение моим ветеринаром.

Принц так внимательно смотрел на нее, что Стефани невольно опустила голову и уставилась в свою полупустую тарелку.

– Возможность получить опыт работы в таком знаменитом конезаводе поистине бесценна. Если я добьюсь успеха здесь, ваше величество, это надолго обеспечит мне успех в Англии на поприще, где, как вы справедливо заметили, мой пол считается большим недостатком.

– Однако он не помешал вам получить место в одном из самых крупных английских конезаводов, мисс Дэрвилл. Если не ошибаюсь, вы сказали, что проработали там весь прошлый год.

Ее тарелку убрали, и, пока на другую накладывали разнообразное мясо, Стефанихватило времени, чтобы обдумать ответ. Увиливать было совсем не в ее характере, хотя ее наивная вера, что всем людям, особенно армейским офицерам, присущи честность и порядочность, отличавшие ее отца, заметно пошатнулась. И потом, часть правды – это еще не ложь.

– Мой отец пользуется определенным влиянием, и это облегчает дело. Его репутация помогает мне зарабатывать собственную, – ответила она.

– И мое имя, точнее сказать, слава моего конезавода поднимет ее на новую высоту?

– Если вы будете так добры, что разрешите мне использовать это в качестве рекомендации. Конечно, при условии, что я добьюсь успеха в лечении загадочной болезни. И потом, – смущенно добавила она, – для меня также важно вознаграждение. Не обладая опытом моего отца, я, конечно, не жду, что оно будет очень щедрым, но надеюсь, что вы заплатите мне по справедливости. Ваше величество, я прошу прощения, что поднимаю такую вульгарную тему, но даже половина суммы, которую вы предложили папе, дала бы мне возможность встать на ноги и жить независимо. А мне очень хочется этого добиться.

При мысли о том, что это значило бы для нее и для ее родителей, к горлу Стефани подступил ком. Сознывая, что принц по-прежнему внимательно наблюдает за ней из-под своих полуопущенных век, Стефани сосредоточилась на небольшой порции козлятины, нашпигованной гранатом.

– Что побудило вас оставить работу под патронажем отца и поступить на конезавод? Вас утомили тяготы армейской жизни, мисс Дэрвилл?

– Армейские лошади, ваше величество, – это животные, предназначенные для тяжелой работы, будь то упряжные лошади артиллерии или тяжеловозы. Ни те ни другие не используются в племенной работе. Отец понимал, что на конезаводе у меня будет прекрасная возможность заполнить этот пробел в моих знаниях.

Она не лгала: опыт, полученный в Ньюмаркете, трудно было переоценить. Просто она не оставила бы армию и не поехала туда, если бы не другая, куда более неприятная причина. Лицо принца Рафика оставалось совершенно бесстрастным, но Стефани почему-то не сомневалась, что он уловил ее неловкость. Вспыхнув, она взяла свою вилку, потом снова положила ее на стол. Она не съела и половины того, что ей положили, но аппетит вдруг совершенно пропал.

Ее тарелку унесли и подали другую, где лежали сладости, политые медом, и финики, обваленные в дробленых орехах. Пища, символизирующая жизнь. Самое подходящее, учитывая, что ее привело сюда страстное желание начать жизнь с чистого листа.

Стефани надеялась, что эта новая и последняя перемена блюд означает, что тема исчерпана. Однако принц с нетерпением ждал, чтобы ее продолжить.

– Такое стремление к независимости кажется мне весьма любопытным, мисс Дэрвилл, – сказал он. – Весьма необычным для женщины. Более привычно желание выйти замуж, не так ли?

Стефани смутилась. Рафик, исподволь наблюдая за ней, заметил, какого труда ей стоило взять себя в руки. Вырез ее платья был достаточно скромным, однако он видел, как поднималась и опускалась ее грудь. Ее округлые формы отвлекли Рафика, и он невольно задумался, есть ли у этого платья другие застежки, кроме ленты, стягивавшей его на талии. И что у нее под платьем. Оно казалось достаточно тонким, хотя, скорее всего, это иллюзия. Согласно его весьма ограниченному опыту, белье европейских женщин было специально создано так, чтобы максимально затруднить поползновения мужчин.

С другой стороны, сама мисс Дэрвилл, казалось, создана природой, чтобы побуждать их именно к этому, хотя не была замужем и, по ее собственному выражению, была «не такой женщиной». Тогда какая же она? И почему так жаждет того, что она называет независимостью? Она стала бы жить одна? Но зачем это женщине? Даже признавая, что его знания западных женщин нельзя назвать обширными, Рафик не думал, что они так сильно отличаются от женщин Востока. И разве не все женщины хотят иметь мужа и детей? Но эта женщина... он никогда не встречал подобных.

– Меня не интересует замужество, ваше величество, – прервала его размышления Стефани Дэрвилл, – и признаюсь, я не понимаю, какое отношение мои устремления – или их отсутствие – в этом направлении имеют к тому, смогу ли я вылечить ваших лошадей. Если не считать, конечно, – сухо добавила она, – что я, как незамужняя женщина, которой никто не может диктовать, что ей делать, сама решила приехать сюда, чтобы вам помочь.

– Прошу меня извинить, – так же сухо ответил Рафик, совершенно не привыкший, чтобы ему противоречили. – Вы правы. Значение имеют лишь ваши способности лечить лошадей и то, достаточны ли эти способности, чтобы компенсировать разлад, который, несомненно, вызовет ваше присутствие в моих конюшнях. Они являются исключительно мужской вотчиной.

– В этом они ничем не отличаются от других конюшен, где мне приходилось работать.

– Разница в том, мисс Дэрвилл, что здесь нет ни вашего отца, ни его репутации, чтобы защитить вас от грубого и агрессивного окружения.

– Но не такого же, как на поле боя, – возразила она. – Хотя папа никогда не разрешил бы мне приближаться к настоящему сражению. Я всегда выполняла свои обязанности в тылу. В этой войне с Наполеоном, которая вот-вот разразится снова, мое место займет его новый ассистент. – На какое-то мгновение Стефани погрузилась в свои мысли, и ее рассеянный взгляд устремился куда-то вдаль. Но потом она пожала плечами и слабо улыбнулась. – В каком-то смысле хуже находиться вдали от линии фронта и думать, что может произойти с родными или друзьями и, конечно, с лошадьми. Несмотря на то что я бы никогда не приравнивала жизнь животного к жизни человека, я не разделяю мнения, что они лишены чувств.

– Я тоже, – сочувственно произнес Рафик. – На самом деле я бы сказал больше, я бы сказал, что между лошадей и всадником может возникать родство.

– О, я согласна, – горячо согласилась мисс Дэрвилл. – Если человек боится идти в бой, он передает свой страх лошади. Я много раз это видела. Может показаться смешным, но я видела, как лошадь придает человеку смелости, показывая свое... рвение. Звучит глупо, но...

– Вовсе нет. Арабские лошади, особенно кобылы, очень ценятся за свое бесстрашие в бою, которое способно придать всаднику храбрости, если ему этого не хватает. Но дело не только в этом. В самых враждебных человеку местах пустыни мне случалось видеть, как лошадь выносила всадника в безопасный оазис, когда он уже терял последнюю надежду.

– То же самое и в бою, – с жаром добавила Стефани. – Папа много, очень много раз видел, как лошади, подвергая опасности собственную жизнь, возвращались на позицию с полумерт-

вым всадником в седле. И так же поступают люди, делая все возможное для спасения своих лошадей. Я видела, как самые закаленные в боях солдаты плакали, потеряв своего коня. И плакали от радости, когда вопреки всему удавалось спасти животное, как им казалось, обреченное на смерть. Это, – сказала Стефани Дэрвилл, крепко стиснув руки, – одна из самых приятных сторон моей профессии.

Ее реакция не могла не восхитить его.

– Я вижу, вы очень любите лошадей.

– Вы тоже. – Она просияла в ответ.

– Я буквально вырос в окружении лошадей, – признался Рафик. – Когда мне было три месяца, меня отправили жить в племени бедуинов. Здесь существует обычай, что до десяти лет сыновья правителя должны жить за пределами дворца. Бедуины считают лошадей частью своей семьи. На ночь они даже приводят их в свои палатки, чтобы укрыть от холодного воздуха пустыни.

– И в эти годы у вас зародился замысел создать собственный конный завод?

– Бхарим всегда гордился разведением чистокровных скакунов. Это часть нашего наследия.

– Простите, я не знала. У меня создалось впечатление, что ваш конезавод сравнительно новый. – Она покраснела.

– Если говорить буквально, то вы правы, – сухо произнес он. – Конюшни были отстроены заново восемь лет назад, когда я унаследовал трон. Но я считаю – и мой народ с этим согласен, – что они – продолжение того, что существовало раньше, но было утрачено. Мой замысел, как вы это назвали, возник четырнадцать лет назад, в тот день, когда Бхарим потерял Сабр. Выигрыш Сабра приносит победителю не только славу, он стоит целого царства. Сабр – это символ национальной гордости.

– Значит, вы воссоздали конезавод, чтобы выиграть его? – Стефани Дэрвилл нахмурилась. – Ваше величество, эта вспышка заболевания... почему вы держите ее в секрете? Аида – только не подумайте о ней плохо, – она не сказала ничего лишнего, только, что об этом нельзя говорить.

– В этом году, после четырнадцатилетнего отсутствия, у нас наконец появились достаточно быстрые и выносливые лошади, способные соперничать с самыми лучшими скакунами. Все помыслы и надежды моего народа нацелены на победу. Эта болезнь ставит под угрозу не только скачки, но и само будущее Бхарима. – Принц хмуро улыбнулся. – Вам это наверняка кажется преувеличением. Разве могут обычные скачки определять судьбу королевства? Поскольку вы иностранка, вы не можете понять историю Бхарима и Сабра, но уверяю вас, невозможно преувеличить его важность для моего народа.

Но это не шло ни в какое сравнение с тем, как важно это было для него. Сможет ли женщина-иностранка спасти его надежды? Сможет ли она помочь ему одолеть судьбу и обеспечить будущность его страны, его народа и его собственную? Когда Рафик впервые ее увидел, эта мысль казалась абсурдной, но теперь... теперь его интуиция подсказывала, что он должен ей верить. А сознание говорило, что у него нет лучшего выхода.

– Завтра, – продолжал Рафик, – я расскажу вам историю Сабра. Тогда вы поймете, как важно, чтобы вы спасли моих лошадей.

– Означает ли это, что вы позволите мне лечить их? Я не могу выразить, как много это для меня значит, ваше величество. – Ее лицо озарила улыбка – первая настоящая улыбка, которую он заслужил.

– Рафик, – сказал он, убедившись, что все слуги вышли из комнаты. – Когда мы одни, вы можете называть меня Рафик.

– Тогда я – Стефани. Если вам так нравится, ваше величество. Простите, Рафик.

Ему нравилась она, и даже слишком. Оставалось надеяться, что ее способности не уступали ее энтузиазму, потому что одно не вызывало сомнений: она не понравится его шталмейстеру. Однажды Ясим уже сделал все, что мог, чтобы воспрепятствовать присутствию женщины в конюшне. Рафик содрогнулся. В том, что случилось, виноват не Ясим, а он сам. Это только его вина. Но сегодня он не станет вспоминать о прошлом. Сегодня он должен думать о будущем.

– Завтра, – сказал он, – вы начнете работать. Не скрою, мисс... Стефани, меня беспокоит прием, который вам окажут в конюшнях. Он может оказаться враждебным.

– Как я уже говорила, я к этому привыкла. Ваше величество, Рафик, по моему опыту, те, кто работает с лошадьми, ведут себя так, потому что любят их. Когда они видят, что я разделяю их любовь, что я могу облегчить страдания больных или раненых лошадей, они перестают видеть во мне женщину и видят только ветеринара.

Уверенность, с которой Стефани произнесла эти слова, восхищала, но в данном случае она ошибалась.

– Возможно, это справедливо для большинства конюхов, но мой шталмейстер – другое дело, – покачал головой Рафик. – Ваш успех здесь не зависит от мнения Ясима, но вам будет гораздо проще выполнить вашу задачу, если вы найдете способ завоевать его расположение. Он знает об арабских лошадях практически все.

– Кроме того, как вылечить эту болезнь, – заметила Стефани. – Я уверена, когда он поймет, что у нас общая цель, он стает мне помогать.

– Он станет вам помогать, если я велю.

– Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали. – Она поморщилась. – Простите, что возражаю вам, но, как вы уже заметили, я не из тех, кто станет говорить вам то, что вы хотите услышать, вместо того, что вам надо знать. Уважение невозможно навязать, его нужно заслужить. Пожалуйста, не делайте мои отношения с вашим шталмейстером еще хуже, заставляя его изображать сотрудничество. Скорее всего, это лишь вынудит его прибегнуть к саботажу, чтобы дискредитировать меня. Я предпочитаю бороться самостоятельно.

– Вы удивительная женщина. Надеюсь, ваши таланты не уступают вашей необычности. – Рафик наклонился к ее руке.

Он едва заметно коснулся губами ее пальцев. Этим дело и ограничилось бы, если бы она не вздрогнула от его прикосновения. Но Стефани это сделала, и он инстинктивно сжал ее руку и потянул ближе к себе. Складки ее платья скользнули по его ноге. Прядь волос упала на лоб Стефани, и Рафик не смог устоять, чтобы не убрать ее от лица своей гостьи. Не смог устоять, чтобы не провести рукой по ее щеке и вниз на плечо. Стефани снова вздрогнула, и ее трепет передался ему. Она подняла голову, ее губы раскрылись, и Рафик наклонился. Звук приоткрывшейся, а потом резко захлопнувшейся двери заставил их резко отпрянуть друг от друга.

– Простите меня, – сказал Рафик, делая шаг назад, чтобы избавиться от соблазна.

– Вам не в чем извиняться, – густо покраснев, ответила Стефани. – Я виновата не меньше вас. Мне не следовало... это все усталость. И слишком жаркое солнце.

– Уже поздно, – коротко бросил он, чтобы избавиться от неловкости. – Встретимся завтра утром в конюшне. И с этого момента считайте, что вы назначены главным королевским ветеринаром.

Его слова, сказанные, главным образом, чтобы напомнить самому себе, для чего она здесь, заставили Стефани резко вдохнуть воздух.

– Назначение продлится шесть месяцев, – отрывисто продолжил он. – По истечении этого времени вы либо вылечите болезнь, поразившую моих лошадей, либо мы пойдем, что вы не в состоянии этого сделать. Ваше вознаграждение будет таким же, какое я предлагал вашему отцу.

Она безмолвно уставилась на него. Лучше бы она не смотрела на него так, словно с трудом сдерживается, чтобы в благодарность не броситься ему на шею.

– Назначение может быть отменено мною досрочно в любой момент до истечения шести месяцев, – продолжил Рафик более сурово, чем надо, – если я почувствую, что ваше присутствие ставит под угрозу нормальную работу в конюшнях. Вы понимаете?

– Понимаю.

– Прекрасно. Тогда до завтра.

– Рафик, спасибо, – Стефани схватила его за рукав, в очередной раз нарушив протокол, – что поверили мне. Что дали мне возможность доказать свое умение. Я очень благодарна вам и прекрасно понимаю, какую честь вы мне оказали. Обещаю, что сделаю все возможное, чтобы не разочаровать вас. – На этот раз она удивила его, когда, наклонившись к его руке, легким поцелуем коснулась костяшек его пальцев, а потом сама открыла дверь, изумив стоявшего за ней стражника.

Глядя, как она следом за слугой возвращается в гарем, Рафик не мог оторвать глаз от ее плавно покачивавшихся бедер. Он вздохнул. С тех пор как конюшни поразила болезнь, все его желанья спали. Было бы по меньшей мере неловко признать, что они проснулись благодаря женщине, приехавшей в Бхарим, чтобы избавить их от этой напасти. Впрочем, возможно, это признак того, что он снова возвращается к жизни.

Конец, знаменующий собой новое начало, приближался с завораживающей и пугающей скоростью. Однажды Рафику приснился сон, в котором над трофеем Сабра парили цвета Бхарима, а над дворцом, над городом, над всей страной гордо вздымался флаг победы. Это видение глубоко запало ему в душу, но он не смел вызывать его в своем воображении из страха, что судьба лишит его всего этого.

Но нет! Стефани Дэвилл вселила в него уверенность, что этому не бывать. Его лошади принесут Бхариму победу, вернут уверенность его королевству, радость его народу и успокоят его совесть. Это будет плата за его преступление, за все его долги.

Выйдя из обеденного зала, Рафик направился в свою спальню, чтобы обрести то жалкое утешение, которое она могла дать.

Глава 3

Стефани так сильно разволновалась, что, несмотря на усталость, не смогла уснуть. Вертясь с боку на бок на огромной кровати, она провела ночь в метаниях. Восторг от того, что она получила назначение, смешивался с неловкостью и смущением от неожиданной концовки этой встречи.

С того момента, как она увидела принца в полном блеске королевского облачения, он стал вызывать в ней почти неуправляемую, инстинктивную реакцию. Когда он прикасался к ней, ее кожа отвечала легким покалыванием. Ей хотелось, чтобы он ее поцеловал. Нет, ощущение было куда более сильным. Она жаждала его поцелуев. Когда пальцы принца скользнули по ее щеке и шее, она почувствовала обескураживающий, но приятный трепет внизу живота.

Стефани натянула отороченное кружевом покрывало и спрятала в нем лицо. Неужели прошлое ничему не научило ее? Неужели она забыла, какую боль испытала, узнав, что ее подвиги открыто обсуждались в офицерском клубе? Но скандал с принцем крови стал бы оглушительней в тысячу раз. А главное, он был ее наниматель и символизировал возможный путь к спасению. На этот раз на кону стояла не только ее репутация, но все ее будущее.

Стефани застонала. Сбросив покрывало, она встала с дивана, открыла дверь спальни и вышла к фонтану. Звезды над головой начинали бледнеть, небо из чернильно-синего становилось серым. Приближался рассвет. Один из принципов папы состоял в том, что ветеринар больше учится на опыте, чем по книгам. Этот принцип она должна применять ко всем аспектам своей жизни. Опыт научил ее, что в сердечных делах ей не хватает трезвости и она не должна доверять своим чувствам. Опыт научил ее: существует огромная пропасть между ней с ее низким происхождением и теми, кто высокомерно дорожит своей родословной. Но самый жестокий урок, который преподал ей опыт, – это разница между общественным статусом мужчины и женщины. Если джентльмен мог безнаказанно хвастаться своей победой, женщина получала клеймо шлюхи. Это неравенство до сих пор заставляло ее руки сжиматься в кулаки от ярости.

Однако существовала одна область, где Стефани могла добиться успеха сама по себе. Это область, где она чувствовала себя знатоком почти таким же, как папа, и гораздо большим, чем любой мужчина, каким бы высокородным он ни был. И теперь настало время доказать это. Вернувшись в свою комнату, Стефани начала готовиться к долгому и трудному дню.

Через час с небольшим, позавтракав, одевшись и вооружившись своим драгоценным ящичком с инструментами, Стефани вслед за слугой вышла из королевского дворца на яркое утреннее солнце и двинулась к комплексу зданий, где находились королевские конюшни. Она надела батистовую блузку, заправив ее в простую широкую юбку; наряд дополняли ремень, сапоги для верховой езды и шляпа с широкими полями. Несмотря на то что она решила не брать жакет, ей было очень жарко, к тому же она сильно нервничала.

Рафик, который быстрым шагом вышел ей навстречу, напротив, выглядел спокойным, уверенным и царственным. Сегодня он надел простую рубашку с открытым воротом, бриджи для верховой езды и высокие сапоги. Его зачесанные назад кудри обрамляли лицо темным ореолом и в сочетании с темными волосками, выглядывавшими у шеи из-под рубашки, придавали его красоте оттенок первобытной дикости. Когда он подошел ближе, сердце Стефани непроизвольно екнуло и всплеск влечения в сочетании с каким-то темным предчувствием пошатнул ее самообладание еще сильнее.

– Доброе утро, ваше величество, – сказала она и присела в реверансе, понимая, что за ними наблюдает множество глаз.

– Надеюсь, вы хорошо спали?

– О да, сном младенца, – ответила она, и эта глупая ложь заставила ее покраснеть. Паника начинала угрожать ее работоспособности. Реальность, в которой она оказалась, слишком сильно отличалась от ее мечтаний о том, как она будет лечить племенных скакунов принца крови. Эти роскошные конюшни выглядели невероятно красиво и, очевидно, превосходили своим великолепием все, что она когда-либо видела. Стефани окаменела от страха.

– Как вы видите по положению солнца, мы находимся к северу от дворца, – сказал Рафик. – Здесь прохладней, поэтому это идеальное место для конюшен.

Стефани не ощущала ничего похожего на прохладу. Ее спина чесалась от пота. Корсет давил слишком сильно, хотя она зашнуровала его не туго. Огромный загон для выгула, расположенный прямо перед ней, прикрывал от солнца ряд высоких пальм и акаций с их перистыми листьями и белыми цветами. В дальнем конце поблескивал большой пруд с водой, в которой отражались высокие голубовато-зеленые стебли папируса. Его листья склонялись к пруду, словно для того, чтобы попить из него.

– Бхарим расположен довольно близко к морю, а благодаря вон тем горам, – сказал принц, указывая на возвышавшиеся вдали лиловые вершины, – у нас бывает много дождей, что совсем необычно для Аравии. Как следствие, мы имеем достаточно много хороших пастбищ. Тот пруд – это водоем, образованный подземным источником, которыми Бхарим, к счастью, обладает в большом количестве. Это одна из причин, почему у нас процветает коневодство. По сравнению с другими породами арабские лошади славятся своей выносливостью, однако они все же лошади, а не верблюды.

Другой ряд деревьев давал тень длинному, низкому зданию конюшен с фасадом в классическом стиле и большой центральной аркой над входом во внутренний двор. Фронтон над аркой украшало изображение мифического крылатого коня Пегаса. По периметру внутренний двор обрамляли террасы, над которыми располагались повторявшие их по форме балконы.

Ежедневные дела в конюшнях шли своим чередом. Лошадей друг за другом выводили из стойл на утреннюю тренировку. Рафик мимоходом здоровался с наездниками, большинство из них он знал по именам. Стефани заметила, что здесь пренебрегали формальностями. Мужчины просто коротко кивали ему в ответ и старались не встречаться с ней взглядом.

– К сожалению, мне пришлось отослать Ясима по важному делу, – сообщил ей Рафик. – Мы обещали двух годовалых жеребцов шейху бедуинов, но не можем передать их, пока над конюшнями висит угроза эпидемии. Нам необходимо, чтобы сама болезнь и слухи о ней не вышли за пределы конюшен, поэтому Ясиму пришлось поехать, чтобы под благовидным предлогом оттянуть передачу. Так что сегодня я сам буду вашим сопровождающим.

У Стефани, которая скрепя сердце готовилась к встрече с шталмейстером, это неожиданное заявление вызвало смешанные чувства.

– Мне бы хотелось встретиться с Ясимом как можно скорее. Думаю, я достаточно ясно дала понять, что предпочитаю выигрывать свои битвы без посторонней помощи.

– Ваше пребывание здесь зависит от того, насколько вы сможете поладить с людьми в конюшнях. Разговоры о том, чтобы выиграть битву, этому не способствуют. – Его слова прозвучали холодно. Принц, определенно, не привык, чтобы ему дерзили.

Стефани расправила плечи, но не подняла голову из опасения встретиться с ним взглядом.

– Иногда приходится биться, если хочешь заслужить уважение. Я не жду, что вы это поймете, поскольку для вас это непреложная данность, – сказала она гораздо более уверенно, чем себя чувствовала.

Наступила долгая неловкая пауза.

– Ваша непосредственность мне нравится, а ваша решимость вызывает восхищение. Но ваше суждение ошибочно. Я отослал Ясима, потому что вам перво-наперво нужно заслужить доверие и уважение других работников и конюхов. Ясим отнесся бы к вам враждебно, даже

если бы вы были мужчиной. Вы не должны забывать, что ему самому не удалось вылечить эту болезнь. Как мой шталмейстер он, безусловно, заинтересован в том, чтобы ее вылечили, но как человек с уязвленной гордостью он будет с завистью воспринимать любой ваш успех. Я пытаюсь помочь вам добиться успеха, а не опекаю вас, как вы воображали.

Пока он говорил, у Стефани возникло явственное ощущение, что она уменьшается в размере. Сейчас она чувствовала себя действительно размером с мышь.

– Теперь я это вижу, – пискнула она.

– Для этого, – продолжал Рафик, словно не расслышав ее слов, – я объяснил людям причину вашего назначения и подчеркнул, что желаю, чтобы к вам относились с уважением.

Что объясняло опущенные глаза и взгляды в сторону, которые она видела.

– Благодарю вас, – сказала Стефани голосом, который странным образом отказывался звучать благодарно.

– Если бы час назад вы видели их возмущенные лица, вы бы сказали это с другим выражением. – Рафик резко засмеялся.

– Рафик, одно я знаю точно. Ваше доверие значит для меня очень много. Спасибо.

– Извинение, но не капитуляция. Вы очень упрямая женщина, Стефани Дэрвилл.

– Я предпочитаю называть это целеустремленностью.

Его лицо было из тех, которые совершенно преображаются, когда на них появляется искренняя улыбка. Она смягчала его суровое совершенство и парадоксальным образом добавляла ему обаяния. Тело Стефани отреагировало на это всплеском самой непристойной похоти, от чего она глупо улыбнулась и замерла, как замороженная, забыв, где они и кто на них смотрит. Наконец Рафик разорвал эти чары, резко отвернувшись от нее.

– Идемте, – бросил он. – Продолжим вашу экскурсию. Конюшни прямо перед нами. Стойла расположены вдоль стен по обеим сторонам. Амуничники и кормовые комнаты находятся в задней части здания, а середину занимает манеж.

Следом за ним Стефани вошла внутрь и мгновенно протрезвела, как только сухой, пыльный воздух пустыни уступил место более знакомому запаху соломы, кожи и не похожему ни на какой другой запаху лошади. Однако вместо того, чтобы успокоить, он лишь сильнее натянул ее нервы. Здесь царила приятная прохлада. Дощатые ставни на высоких окнах отсекали самые жаркие солнечные лучи, а терракотовые плитки пола и белый мрамор стен смягчали жару. Помещение было огромным. Арочный потолок поддерживали простые дорические колонны. С каждой стороны располагалось по меньшей мере тридцать больших стойл.

– И вы говорите, что в другом крыле расположены такие же хоромы?

– Сейчас наше поголовье превышает сто лошадей. Понятно, что большая часть из них кобылы, поскольку арабские кобылы – самый востребованный товар, благодаря их кроткому нраву, выносливости и любви к людям. Но у нас есть и жеребцы, нужные нам в основном для разведения. Они содержатся в пустыне в отдельном загоне. В этом крыле есть еще одна отгороженная часть для жеребых кобыл. Кроме того, у нас есть загоны для верблюдов, мулов и лошадей, которых выгоняют на пастбище. – Должно быть, выражение лица отражало ее испуг, потому что Рафик улыбнулся. – Ваши обязанности будут ограничиваться лечением заболевших животных. Все остальное – забота Ясима.

– Признаюсь, я понятия не имела о том, насколько огромна ваша лошадиная империя. – Стефани откашлялась, стараясь придать голосу твердость. – Многие участвовали в скачках?

– На данный момент ни одной. Мы держим свой порох сухим, пока не почувствуем, что у нас достаточно сил, чтобы выиграть Сабр. – Рафик нахмурился и помрачнел. – Если мы не победим эту болезнь, то, даже если она не затронет лошадей, которых мы специально натренировали для скачек, я не смогу с чистой совестью участвовать в Сабре. Я не стану подвергать опасности чужих животных.

Следуя по центральному проходу, Стефани заметила, что в королевских конюшнях повсюду царит безупречная чистота. Это же касалось и снаряжения. Очевидно, что за лошадьми ухаживали очень тщательно, о чем она и сказала Рафику.

– Естественно, – ответил он, остановившись перед стойлом с великолепной кобылой. – Это Шерифа. – Он открыл Стефани калитку. – Она подарила нам трех первоклассных жеребят. Так ведь, моя красавица?

Серая кобыла отличалась точеной грацией, красивым изгибом шеи и высоко посаженным хвостом, характерным для этой породы. Она игриво наклонила голову, и принц потрепал ее по шее.

– Очевидно, что ваша любовь взаимна, – сказала Стефани. – Великолепное создание.

– Вы правы, – ответил Рафик, погладив нос лошади. – Она с нами уже пять лет. Шерифа – лошадь моей покойной жены. Моя жена умерла два года назад. Это был договорной брак.

Стефани не знала, как понимать его нейтральный тон. Договорной брак... но это вовсе не означало, что он не любил ее. Может, он подразумевал, что два года – достаточный срок, чтобы ее оплакать? Или нет?

– Вы наверняка хотите осмотреть Шерифу.

Она поняла, что это приказ, а не предложение. Густо покраснев, Стефани шагнула в стойло. Кобыла почувствовала ее тревожность и попятилась, ее дыхание сделалось коротким и прерывистым, ноздри раздулись. Стефани закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов.

– Здравствуй, Шерифа. – Стефани протянула руку. Ее пальцы уверенно погладили нос лошади. И все ее существо наполнилось покоем. Стефани так сосредоточилась на том, чем занималась, что перестала замечать принца, стоявшего у нее за спиной и следившего за каждым ее движением.

Тем же днем, но позже Рафик с усталым вздохом закрыл тяжелый том в кожаном переплете, являвшийся официальной регистрационной книгой бхаримского конезавода, и запер замок большим золотым ключом. На данный момент они откладывали отправку уже шести стригунков своим тщательно отобранным покупателям. И хотя Ясим уверял его, что ни одного слова о болезни не просочилось наружу, Рафик понимал, что это вопрос времени.

Так же как и то, что болезнь еще даст о себе знать. После того как сегодня утром он наблюдал за работой Стефани, последние сомнения в том, что она дочь и ассистентка Ричарда Дэрвилла, рассеялись. Его главный конюх Фадиль сначала тоже очень скептически отнесся к ее способностям. Но Стефани потребовалось совсем немного времени, чтобы подтвердить свои знания бесконечными вопросами, на которые она требовала подробных и абсолютно точных ответов, и непоколебимой уверенностью, с которой она осмотрела Базилика – крупного норовистого жеребца, придерживавшегося такого же низкого мнения о женщинах, как Ясим.

Рафик улыбнулся сам себе. Конечно, глупо питать слишком большие надежды, и он, естественно, будет по-прежнему соблюдать осторожность. Но надежда есть. Она явилась в лице этой милой и на редкость притягательной Стефани Дэрвилл. Он понимал, что прошло еще слишком мало времени, чтобы она могла добиться какого-то существенного прогресса, но ему хотелось услышать ее мнение и – что греха таить – получить удовольствие от ее общества. В последние месяцы он почти не выходил из своих покоев, появляясь на людях только по необходимости. Ему нужен был свежий взгляд на ситуацию и возможность хоть ненадолго отвлечься.

Остановившись, чтобы дать слуге кое-какие распоряжения, он направился в конюшни. Стефани сидела на скамье во внутреннем дворе в тени, отбрасываемой балконом верхнего этажа, и наблюдала за лошадьми, которых в этот относительно прохладный предвечерний час нескончаемой чередой выводили для занятий, а потом уводили обратно. За день ее прическа, видимо, растрепалась, и теперь она просто завязала волосы сзади, хотя непослушный локон все так же падал ей на бровь. Он был на тон светлее других волос, почти золотой. На ярком

солнце ее кожа казалась еще более оливковой, хотя щеки покраснелись. На ней была все та же юбка, возможно, практичная, но слишком тяжелая для такой погоды, как и белая блузка, хотя и хлопковая, но закрытая и застегнутая сверху донизу. Неудивительно, что она выглядела как привядший цветок, которому остро не хватает воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.